

Антон ЗАНЬКОВСКИЙ

СИТУАЦИЯ МЕТАМОДЕРНА В КОНТЕКСТЕ ПОВОРОТА К НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ

ПАН VS ПРОМЕТЕЙ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ПОСТМОДЕРНА

Сам постмодернизм изменился, свернув, на мой взгляд, не в ту сторону. Зажатый между идеологической агрессией и разоблачительным вздохом, задавленный собственным китчем, постмодернизм стал чем-то вроде эклектичной шутки, рафинированной похотью наших одолженных удовольствий и тривиального неверия.

Ихаб Хассан

Философ Александр Пятигорский, когда ругает «французских идиотов», придумавших бессмысленное понятие¹, по-буддийски прав, потому что «постмодерн» предстает потоком взаимообусловленных частиц, которые лишь создают иллюзию целостного явления. Мы наблюдаем разнообразные процессы, определенные развитием информационных и торговых связей, наблюдаем культурную эклектику высокого и низкого качества, наблюдаем несостоятельность любых претензий на идеологическое господство. Научные, религиозные и политические убеждения стали частным делом, они больше не работают в качестве тотальных объяснительных моделей. Политические демагоги, поклонники общих мест и сконструированного единообразия норовят гипостазировать этот набор тенденций и неожиданных сочетаний, пользуясь тем, что такое положение вещей у слабых людей вызывает растерянность и чувство незащитности. В итоге мы получили популистский штамп, основанный на безграмотной редукции: интеллектуальные рыцари печального образа, противостоящие мельницам постмодерна, пытаются связать неосознанные рефлексии массовой культуры с концепциями Лиотара и Деррида. Поверхностные суждения о растленном постмодерне многие принимают на веру, ведь порой их транслируют весьма солидные умники с учеными степенями и длинными бородами. Чтобы убрать это пугало, придется деконструировать саму деконструкцию.

Увяжется ли в сознании просвещенного россиянина, слышавшего про страшный постмодернизм, пришедший с Запада вслед за тевтонскими рыцарями, что на самом

Антон Владиславович Заньковский родился в 1988 году. Печатался в журналах «Логос», «Нева», «Опустошитель», «Acta eruditorum», «Апокриф».

¹ Alexander Piatigorsky. (2007) Канал «Культура» [Передача «Тем временем» А. Архангельского] // 21 мая (<https://alexanderpiatigorsky.com/ru/multimedia/video/teleperedachi>).

деле, когда мы произносим слово «постмодернизм», то сразу же должны вспоминать об экологии — в подлинном смысле этого слова, которое происходит от слова «οἶκος»: древние греки так называли человеческое жилище и поселение, а мы привыкли связывать экологию с нечеловеческой внешней средой. Постмодернизм в архитектуре отменил это противоречие, попытавшись предельно сблизить человеческое жилье с природной средой и культурным контекстом. Именно такая установка была программным принципом архитекторов, разочаровавшихся в единообразном интернациональном стиле тех модернистских зодчих, которые создавали строения, подчеркнуто выломанные из ландшафта и традиции; постмодернизм в архитектуре был озабочен ценностью старого фонда, он стремился интегрировать новые дома с ансамблем исторической застройки, устранить чужеродность человеческого жилья внешней среде, постмодернистский эклектизм учитывал разнообразие этнических групп в мегаполисе. Подобные постулаты могут быть реализованы качественно и дешево. В России они приживались очень плохо. Советский постмодернизм задушен был на стадии проектов, так что существовало целое направление бумажной архитектуры². Редкие состоявшиеся постройки уничтожают и портят уже в наши дни. Например, здание театра кукол в Воронеже — интересный пример советского постмодернизма — в прошлом году его изуродовал подрядчик, взявшийся реставрировать. Эклектика 90-х (за редким исключением) брала все худшее из нового стиля и паразитировала на формах высокого модерна, не касаясь экологической повестки. Варварское отношение к старому фонду, безразличие к международным экологическим нормам, грубый прагматизм — такова реальность современной российской архитектуры. Занимательно, что День народного единства в нашей стране празднуют 4 ноября, но только дела Минина и Пожарского не так сильно сказались на будущем облике государства Российского, как постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года: *об устранении излишеств в проектировании и строительстве*. С тех пор (анти)эстетическое единство российских городов не удалось пошатнуть даже коварному постмодернизму. Нынешние дома позаимствовали у модернизма отчужденность и одномерность, хотя лишены линейной строгости советских зданий, здесь собраны многие ошибки интернационального стиля и деконструкции. <...>

Модернизм в архитектуре, как считает архитектор и теоретик Чарльз Дженкс, закончился, уступив место постмодернизму, в 3.32 пополудни 15 июля 1974 года, когда снесли жилой комплекс Пруитт-Айгоу, построенный в 1954 году³; задуманный в качестве безупречной универсальной конструкции, постепенно квартал превратился в криминальное гетто. Западные марксисты, разумеется, полагают, что дело не в эстетике, а в социально-экономических факторах⁴. Согласно постмодернистам, выломанные из ландшафта дегуманизированные постройки не могли породить ничего другого, ведь уродливая жизнь соответствует одномерному жилью.

Важная интенция постмодернизма в архитектуре состояла в следующем: надо покончить с антропотопосом, то есть перестать выпячивать неестественное человеческое присутствие в мире. Кроме того, теперь архитекторы хотели строить такие дома, которые бы отвечали обычаям местного зодчества либо несли в себе следы многих культурных традиций. Именно поэтому постмодернизм ассоциируется с консерватизмом⁵: представители этого направления вспомнили классические стили, не боялись цитировать их. Наиболее яростным борцом с агрессивной застройкой модернизма был художник и ар-

² См.: Фесенко Д. Запоздалый расцвет. О постмодернизме в советской архитектуре // INTELROS. URL: http://www.intelros.ru/subject/figures/teoriy_arh_processa/6774-zapozdalyy-rascvet-o-postmodernizme-v-sovetskoj-arxitekture.html (дата обращения: 15.01.2022).

³ Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1985. С. 14.

⁴ Харви Д. Состояние постмодерна. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 204.

⁵ См., напр.: Рывков А. В. Постмодернизм как радикальный консерватизм. СПб.: Алетейя, 2007.

хитектор Фриденсрайх Хундертвассер, который стремился исцелять человеческие души с помощью своих плиточных орнаментов, спиралей, искривленных природных линий, неровного пола, имитирующего естественную неравномерность почвы. Хундертвассер задолго до «темных экологий» и Бруно Латура повернул к нечеловеческому, не утратив здравого смысла; он был непримиримым борцом с *антропотопосом*: такой термин мы вводим (ἄνθρωπος — «человек», τόπος — «место»), чтобы определить захватнические архитектурные практики Нового времени. Homo sapiens, начиная с эпохи барокко, всячески подчеркивал свое чужеродное наличие в мире, стремился агрессивно выломаться из ландшафта⁶, создавая специфическое пространство, все более отчужденное. Архитектура высокого модерна (1890–1910-е годы) слегка замедлила эту планомерную экспансию, используя изогнутые природные линии, растительные орнаменты, народные мотивы. Затем Фрэнк Ллойд Райт сформировал концепцию органической архитектуры: его «дома прерий» были интегрированы с окружающей средой. Но Хундертвассер предельно радикализировал эти тенденции, противостоящие антропотопосу, дошедшему до монструозной мертвенности в функционализме школы Баухаус, в советском конструктивизме, в интернациональном стиле Ле Корбюзье.

Бруно Латур несколько лет назад призвал человечество «приземлиться», то есть окончательно порвать с утопическими проектами модерна, которые несовместимы с ресурсами этой планеты. Фриденсрайх Хундертвассер приземлился уже в 50-е, когда написал свои первые манифесты. Позже он проектировал дома, где могли бы жить не только люди, но и деревья — он учитывал права нечеловеческих существ. Если мы, люди, отнимаем для своих нужд часть ландшафта, уничтожая флору, то должны равнозначно компенсировать этот ущерб, высаживая деревья на крышах и оборудованных лоджиях. Многие постулаты Хундертвассера свидетельствуют, что архитектор был предтечей поворота к нечеловеческому (*non-human turn*), предшественником симметричных онтологий: «Дерево-жильец платит за квартиру кислородом, своей способностью поглощать пыль, в качестве противошумной машины, которая производит тишину, уничтожением токсинов, очисткой загрязненной дождевой воды, как производитель счастья и здоровья, как носитель бабочек, своей красотой и многими другими «валютами»⁷. Почему бы не экологизировать смерть? Родственники умершего человека могут удобрить его прахом дерево, а затем ухаживать за этим деревом, вспоминая покойного, — так можно решить проблему расширяющихся кладбищ. Не слишком ли много места мы занимаем даже после смерти?⁸ Здесь австрийский живописец опередил философа Донну Харауэй, которая только в 2016 году пожелала стать компостом. Но Хундертвассер не стеснялся включать в свою программу и метафизический аспект, когда говорил, что связи между человеком и деревьями должны приобрести религиозное измерение. Манифесты Хундертвассера пронизаны метаиронией, особенно «Культура дерьма — священное дерьмо»⁹ и «Манифест заплесневелости»¹⁰.

⁶ См.: Степанов А. Чем нам интересно барокко // Логос. 2018. Т. 28. №4. С. 191–2018.

⁷ Хундертвассер Ф. Письмо о деревьях-жильцах (1973) // Фриденсрайх Хундертвассер: философия, манифесты, выступления, эссе. URL: <http://www.hundertwasser.ru/philosophy/pages/1973--Tree-Tenant-Letter--RUS--Hundertwasser.html> (дата обращения: 18.01.22).

⁸ Хундертвассер Ф. Новые правила погребения — реинкарнация на дому (1984) // Фриденсрайх Хундертвассер: философия, манифесты, выступления, эссе. URL: http://www.hundertwasser.ru/philosophy/pages/1984--New_Funerary_Regulations--RUS--Hundertwasser.html (дата обращения: 18.01.22).

⁹ Хундертвассер Ф. Культура дерьма — священное дерьмо (1979) // Фриденсрайх Хундертвассер: философия, манифесты, выступления, эссе. URL: http://www.hundertwasser.ru/philosophy/pages/1979--Shit_Culture-The_Holy_Shit--RUS--Hundertwasser.html (дата обращения: 18.01.22).

¹⁰ Хундертвассер Ф. Манифест заплесневелости против рационализма в архитектуре (1958) // Фриденсрайх Хундертвассер: философия, манифесты, выступления, эссе. URL: http://www.hundertwasser.ru/philosophy/pages/1958--Mouldiness_Manifesto--RUS--Hundertwasser.html (дата обращения: 18.01.22).

Очевидная шутка переходит здесь в серьезную ценностную проблематику. Художник проповедует, но делает это с определенной веселостью — она прослеживается уже в названиях данных текстов. При этом Хундертвассер не скатывался в бескомпромиссно-плоскостную онтологию в стиле раннего Бруно Латура, который раскладывал все объекты на горизонтальной поверхности, тем самым лишая их роскоши качественного различия. Хундертвассер позволяет себе что-то не любить, предпочитать одни вещи другим вещам, тем самым создавая собственную строгую систему координат в пространстве конъюнктивного равноправия. Он создает этический и эстетический фундамент, сохраняя верность хаосу: спираль, которая закручивается по часовой стрелке, хуже спирали, которая закручивается против часовой стрелки, неровная линия лучше ровной и так далее.

Пример Хундертвассера доказывает, что сами гносеологические установки постмодерна и приемы постмодернистского искусства (культурная эклектика, цитатность, коллажность, деконструктивизм, эффекты поверхностей) не обязательно ведут к нигилизму. Сосредоточенность на поверхности может обернуться глубоким погружением в метафизику орнамента, культурная эклектика становится признаком истинных интеграционных процессов, цитаты могут быть подобраны с изяществом и гармонией, а деконструкция (своеобразную модификацию которой Хундертвассер применял, когда переделывал безликие постройки в произведения искусства) работает на гуманизацию жилого пространства. Игровой стиль Хундертвассера, провокативность его перформансов (несколько раз он выступал с речью в обнаженном виде) и веселость его манифестов соответствуют приметам постмодерна, что не лишает их подлинной серьезности, ведь нарратив философии Хундертвассера исходит из потребностей природной среды, коррелирующих с экологическими и эстетическими потребностями человеческих существ. Архитектор выступал за интеграцию различных этнических культур, против модернистской унификации, против серого бетона и прямых линий. Постулаты постмодернизма не мешали ему действовать в рамках строгой этической парадигмы, настолько же выверенной и выдержанной, насколько был выдержанным и целостным сам художественный стиль Хундертвассера, поэтому его можно по праву считать предтечей метамодерна. Подобный поворот к нечеловеческому нельзя назвать новой формой метанарратива, ведь метанарратив по определению тотален. Это всегда тотальный стиль, тотальное вмешательство в среду и образ жизни. Метанарратив не является открытой системой описания, он вынужден очищаться от «ересей», неправильных истолкований, стремясь к единственно верному — «научному» — описанию реальности. А методика Хундертвассера допускает бесконечные вариации, поэтому мы видим следы его воззрений в самых неожиданных проектах. С одной стороны, подобный поворот к нечеловеческому — логически неизбежное следствие разочарованности в авторитарных дискурсах, с другой стороны, он преодолевает известную беспринципность некоторых линий постмодернизма.

Основной конфликт современности и постсовременности состоит в проблематичности перехода из мира конфликтной дизъюнкции в миры конъюнкции, то есть из противопоставления (или — или) в добавление (и), из авторитарной параноидальности в творческую шизоидность. Ведь сама устаревшая современность должна включаться в новую конъюнктивную реальность. Тотальная конъюнкция подразумевает присутствие в ней и противопоставления. На практике мы убеждаемся, что дизъюнкция и конъюнкция не существуют друг без друга: в частности, конъюнктивная архитектура постмодернизма была антитезисом параноидальной дизъюнкции модернизма. Современная архитектура заявляла о своей внеположности среде — в этих постройках человечество достигло высшей стадии себялюбивого самоутверждения; постсовре-

менность стирала эту антитезу человеческого и нечеловеческого, включая в себя опыт модернистских архитекторов, а порой и преображая их творения. Скажем, Хундертвассер расписывал и озеленял убогие постройки, вживляя человекоцентристскую современность в мультимедийную постсовременность. Если бы Пруитт-Айгоу передали Хундертвассеру на реновацию, это прометеанское чудовище не пришлось бы взрывать, тогда логика конъюнкции была бы соблюдена более строго — тигра удалось бы оседлать.

Только ли в архитектуре мы находим такие неожиданные модусы постмодернизма? Присмотревшись внимательно, мы заметим, что музыкальный минимализм 60—70-х соответствует проекту постмодернистской архитектуры. Интерес к ритмам и паттернам внешней среды, к народной музыкальной традиции различных культур, порой наивность и веселость, отрицание антропоцентризма — таковы принципы американского минимализма в музыке. Джона Кейджа интересует звук в его потаенной внешней данности — в звуке что-то спрятано, в него можно войти, оставив эмоциональную жизнь за скобками. Гипнотический и даже психоделический эффект этой музыки уводил от душевных волнений в область психической субстанции, индивидуальную духовность здесь заменяла духовность всемирная — геологическая и растительная. Если европейская музыкальная традиция строилась на принципах линейного времени, развития, следовала за человеческими эмоциями, драматичными событиями внутренней жизни, то американский минимализм черпал вдохновение во внешних циклических процессах: круговороты воды, ритмы приливов, движения городских улиц, фазы луны¹¹. В этой музыке темпоральность дробится на последовательности вечных настоящих, что считается одним из признаков постмодернистской шизофреничности, если верить марксисту Джеймисону. Композиторы изучали паттерны естественных орнаментов и восточных ковров; в частности, Мортон Фелдман писал композиции, вдохновляясь образцами раннего коптского текстиля. Кейдж обращается к дзен-буддизму, Терри Райли учится у Рави Шанкара, при этом творчество этих композиторов пронизано американской поэтикой Уолта Уитмена. На Джона Кейджа повлиял трансценденталист Генри Торо: Кейдж использовал принципы звукового восприятия, описанные в романе «Уолден, или Жизнь в лесу»: отшельник Торо научил авангардного композитора слушать случайные звуки внешней среды.

В своих музыкальных экспериментах американский минимализм порывал с принципами антропоцентризма, обращаясь к нечеловеческому. Было ли это музыкальное течение постмодернизмом? Во всяком случае, чтобы обозначить аналогичные тенденции в архитектуре того времени, данное понятие применяют, но такое мнение не слишком популярно среди исследователей академической музыки, ведь слово «постмодернизм» обросло ошибочными коннотациями, стало клишированным, поэтому «Симфония» Лучано Берио кажется ярчайшим образцом постмодернизма, зато «A Rainbow in Curved Air» Терри Райли намного меньше отвечает расхожим представлениям об этом направлении (хотя марксист Джеймисон упомянул Райли в числе постмодернистов — наряду с «The Clash» и «Talking Heads»¹²). Low-postmodern, будучи малозначительной, но бросающейся в глаза интенцией, заслонил собой все остальные линии постмодернизма. Теперь эти линии (созидательные, экологические, лишенные цинизма) снова дают о себе знать, но называются уже по-другому — метамодернизмом.

¹¹ См.: Поспелов П. Минимализм и репетитивная техника: сравнение опыта американской и советской музыки // Gomba.ru. URL: <http://www.gomba.ru/articles/spec1992/19920001.htm> (дата обращения: 18.01.22).

¹² Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. Т. 25. № 4. С. 63–77.

НИЩЕТА МАРКСИСТСКОЙ КРИТИКИ

Человек — высшее существо для человека.

К. Маркс

Прометей — самый благородный святой и мученик в философском календаре.

К. Маркс

Конъюнкция несет опасность окончательного смешения стилей, принципов и взглядов; мы теряем контроль, утрачиваем карту, когда возникает знаменитый эффект постмодернистской шизофрении. Великие зодчие постмодерна сознательно использовали этот эффект, сохраняя строгость личного канона. Очевидные проблемы появляются, если постмодернистские конъюнктивные принципы берут на вооружение люди с дурным вкусом: надо быть Хундертвассером, чтобы луковичные башни на домах не казались отвратительной пошлостью. Хотя сам архитектор доверял вкусам людей, считая, что каждый человек имеет право самостоятельно украшать не только внутреннее пространство жилища, но и его фасад. Например, стену вокруг окна (в философии Хундертвассера стены — третья кожа человека, вторая кожа — одежда¹³). Хундертвассер был защитником прав окон, ведь в современной архитектуре они перестали быть выразительными. Кроме того, художник восхищался трущобами, жильцы которых сами становятся архитекторами, он создавал проекты, вдохновляясь цветным орнаментом таких районов; Хундертвассер считал, что трущобы надо творчески преобразовывать, а не стирать с лица земли, что эстетика трущобных строений достойна внимания зодчих. Позже Чарльз Дженкс приведет в качестве примера творческого самостроя дома-лодки в заливе Сосалито (Сан-Франциско): здесь каждый дом соответствует вкусу обитателя, поэтому швейцарское шале может соседствовать с переделанным фургоном¹⁴. Такие программы марксистским интеллектуалам кажутся чудовищными, ведь адепты устаревшей современности не способны постигнуть конъюнктивную логику постсовременности. Для марксиста Дэвида Харви восхищение трущобами — всего лишь иллюзорно-фантастическая апологетика нищеты¹⁵. Противоречит ли экономическое процветание эстетическому достоинству? После такого вопроса надо бы поставить ироничный смайлик для тех леваков, которые привыкли связывать эстетизм с аморальной правизной, недооценивая его роль в образовании подлинного гуманистического разума. А ведь еще Генри Торо заметил, что жилища бедняков выделяются особенной теплотой именно потому, что нищие строят свои дома самостоятельно. Наблюдая трущобы, модернист, руководствуясь метанарративом, стремился их уничтожить, заменить современным функциональным жильем. Эстетическая ценность трущоб ему не была доступна, модернист оценивал трущобы сугубо негативно, поэтому он без каких-либо сомнений воздвигал здесь башни и коробки, чтобы улучшить качество жизни, но в итоге мы получали бетонированное гетто, еще более деморализованное и преступное (тезис не требует особых доказательств для тех, кому посчастливилось жить в позднесоветских и постсоветских панельных мирах), а не утопический «Лучезарный город» Ле Корбюзье. Хундертвассер и другие архитекторы-антимодернисты считали проекты в стиле «Плана Вуазен» архитектурным холокостом. Напомним, что Ле Корбюзье планировал снести часть исторического центра Парижа, чтобы постро-

¹³ Хундертвассер Ф. О второй коже (1982) // Фриденсрайх Хундертвассер: философия, манифесты, выступления, эссе. URL: http://www.hundertwasser.ru/philosophy/pages/1982--On_the_Second_Skin--RUS--Hundertwasser.html (дата обращения: 18.01.22).

¹⁴ Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1985. С. 16.

¹⁵ Харви Д. Состояние постмодерна. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 172–174.

ить на его месте архитектурную утопию. К счастью, городские власти не приняли этот проект, после чего Ле Корбюзье стал продвигать свою идею в Москве, где как раз усиленно избавлялись от старого мира. Но в разграбленной Москве не было денег. Только в конце 50-х тоталитарная типовая застройка начала распространять свою серую одномерную мертвенность от Восточного блока до Монголии. Колоссальная часть мировой суши потеряла эстетическое достоинство, так что до сих пор приходится с горечью наблюдать плоды «человеколюбивой» градостроительной политики СССР.

«Беспорядочное попури интернационализма», поверхностные реконструкции всевозможных исторических стилей, легкомысленное цитирование — эти постмодернистские приемы, согласно марксисту Дэвиду Харви, несут большую опасность, чем «высокий модернистский интернационализм». Зрелищной и «поверхностной» эклектике постмодернистского многостилия Харви противопоставляет истинную революционную зрелищность, ведь «праздником народа» называл революцию сам Ленин¹⁶. Почему-то Харви тревожит костюмированная драма децентрированного эстетического многообразия, а не те драматические буйства деморализованного охлоса, которые так замечательно живописал буревестник революции в лучшем своем произведении: «Вот уже почти две недели, каждую ночь толпы людей грабят винные погреба, напиваются, бьют друг друга бутылками по башкам, режут руки осколками стекла и точно свиньи валяются в грязи, в крови <...> Во время винных погромов людей пристреливают, как бешеных волков, постепенно приучая к спокойному истреблению ближнего»¹⁷. Харви ссылается на работу Моны Озуф: историк рассматривает фестивали в качестве демонстрации революционной воли в ходе Великой французской революции. Можно только надеяться, что в подобных исследованиях не обходят стороной казнь мадам де Ламбаль, ведь этот случай раскрывает головокружительные аспекты революционной зрелищности: подругу Марии-Антуанетты, когда она отказалась проклинать своих друзей, отдали на растерзание толпе; аристократку проволокли по улице, потом насильовали, отрезали ей грудь, голову, распороли живот; позже революционеры пронесли голову, половые органы, руки и ноги маркизы, наколов на пики, один из революционеров обмотался ее кишками, а под конец, заставив парикмахера восстановить прическу на отрезанной голове, толпа направилась к замку Тампль, чтобы пленная королева смогла узнать свою подругу¹⁸. Такова романтика революционного карнавала, спровоцированного великим проектом?

Местами риторику просвещенного западного марксиста Дэвида Харви нельзя отличить от лубочной идеологической критики его советских единомышленников. Если мы обратимся к советскому изданию хрестоматийной работы Чарльза Дженкса «Язык архитектуры постмодернизма», то найдем там предисловие (типичное для тех времен), авторы которого допускают характерные перлы arrogantного характера: «Изменение направленности архитектуры Запада было вызвано важными и противоречивыми процессами в общественном сознании. Естественно, книга Ч. Дженкса не содержит анализа этих процессов, да и автор, не будучи марксистом, не раскрыл бы их в должном аспекте»¹⁹. Подобными предисловиями снабжены многие советские переводы западных авторов: без идеологического подхалимства работу невозможно было издать в СССР. Примечательно, что пропагандистский дискурс дрессированных советских марксистов до неразличимости совпадает с интеллектуальными выпадами Харви. В сущности, со-

¹⁶ Харви Д. Состояние постмодерна. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 166–167.

¹⁷ Горький М. Несвоевременные мысли. Paris: Editions de la Seine, 1971. С. 126.

¹⁸ См.: Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. М.: Юрайт, 2020. С. 27–42.

¹⁹ Рябушкин А. В., Хайт В. Л. Постмодернизм в архитектуре Запада и «Язык архитектуры постмодернизма»; предисловие к русскому изданию Ч. Дженкс // Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1985. С. 5–9.

ветские марксисты в идеологизированных фрагментах текста излагают коротко то, чему Харви посвящает несколько глав своей толстой книжки «Состояние постмодерна». Вообще, А. В. Рябушин и В. Л. Хайт (любитель Оскара Нимейера) скорее одобряют книгу Дженкса, находя ее полезной и оригинальной, да и сам постмодернизм они оценивают неоднозначно, считая его признаком кризиса капиталистического общества. Читать сегодня подобные предисловия очень интересно, но лучше делать это с карандашом, подчеркивая вымученные марксистские заклинания. Советских критиков постмодернизма, как и Харви, настораживает «камерность», эстетство, архаизация архитектурных образов, эклектический историзм и «программная вседозволенность плюрализма», порой переходящая в издевательство и китч; а главное — архитекторы больше не продвигают монументальные героические формы, но подчиняются требованиям потребителя, который, согласно постмодернистской программе, должен участвовать в творении своего будущего жилья. Если марксисты подозревали, что такой подход приведет к диктатуре заказчика, то Хундертвассер надеялся увидеть фасады, расписанные жителями квартир, для него такие практики были формой борьбы с отчуждением.

Марксистский анализ культурных явлений порой скатывается в откровенное невежество. Так Харви заявляет, что разнообразие стилей в живописи начала XX века обусловлено рыночной политикой: дескать, художники тратили силы на конкуренцию друг с другом и на борьбу с традицией, чтобы успешней продавать свои работы, позабыв о реальном политическом действии²⁰. Чтобы заявить такое, надо просто плохо знать биографии выдающихся художников того времени *либо располагать ущербными инструментами познания*. Здесь сказывается идеологизированный характер марксистской мифологии, переворачивающий с ног на голову отношения культуры и экономики. Рынок использует ситуацию, а не формирует ее, но вряд ли это могут понять существа, которые онтологизируют экономические и социальные отношения. Сам выпад против модернизма в живописи весьма примечателен! Харви находит позицию модернистских творцов (он их именует «производителями искусства») аристократической, надменной, высокоиндивидуализированной и даже бесцеремонной²¹. Воистину, едва ли модернистскую литературу, музыку и живопись можно заподозрить в эгалитарности. Зачастую эти произведения, даже если они эксплуатировали народные мотивы, предназначались для тонкой нервной организации. Зато модернистская архитектура, апологетике которой Харви уделяет немало времени, была массовой и утилитарной в своей основе. «Интернациональный стиль» модернистской архитектуры оказался наиболее безличным и тиражируемым²².

Если Харви критикует продажную эстетическую направленность искусства ради искусства, то марксист Джеймисон заходит с другой стороны: именно в эстетическом индивидуализме он видит преимущества модернистов, ведь они всегда стремились создавать персональный стиль, тогда как постмодернисты лишь комбинируют стили прошлого²³, потому что, согласно Джеймисону, теперь лучше продается ностальгия, так как больше нечего выразить — уникальные персональные идентичности уже не встречаются. Чтобы опровергнуть это обвинение, достаточно взглянуть на работы Питера Гринуэя, Рустама Хамдамова, Яна Фабра, почитать прозу Саши Соколова, Егора Радова, Александра Гольдштейна, взглянуть на постройки Паоло Солери, Рикардо Бофилла, Луиса Баррагана: все они изобретали персональный, приватный стиль, такой же безошибочно опознаваемый, как отпечатки пальцев. Не так-то легко припомнить произведения, полностью состоящие из фрагментов чужих языков; большин-

²⁰ Харви Д. Состояние постмодерна. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 74.

²¹ Там же.

²² См.: Урбан Флориан. Башня и коробка: краткая история массового жилья. М.: Strelka Press, 2019.

²³ Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. Т. 25. № 4. С. 63–77.

ство постмодернистов не отказывалось от сотворения персонального стиля, пастиш²⁴ никогда не господствовал в их творческой методологии. Скорее можно говорить о создании фрактальных кривых из элементов классических произведений. Разве справедливо считать драконову ломаную лишь ироничной пародией отрезка?

Джеймисон заблуждается, когда говорит о неизбежной ограниченности комбинаций: мировая культура прошлого, как и природа, содержит безмерное количество стилистических паттернов; еще античные романисты использовали многообразные стили и чужие истории, чтобы делать оригинальные произведения, а классическая архитектура подражала античным образцам. Постмодернисты лишь расширили зону заимствований и радикализировали сочетания, что соответствует самой жизни: культуры смешиваются не в каком-то воспаленном сознании постмодернистского декадента. Это происходит на практике: речь идет о межнациональных браках, сменах места жительства, люди стали чаще менять профессию, вероисповедание, так почему же такая быстрая, изменчивая жизнь не должна отражаться в архитектуре, искусстве, литературе? Можно сказать более жестко, хотя это многим не понравится: если вы являетесь только таджиком, только немцем или только русским, но не являетесь, пускай лишь немножко, еще и китайцем, арабом и французом, то вам нет места в постсовременности. Насладившись пекинской оперой, мы идем в кальянную, чтобы почитать там Рембо, что вовсе не помешает нам завтра пойти на причастие, послезавтра на концерт в кришнаитский ашрам, а во вторник выпить до отключки в ирландском пабе, не так ли? Одновременное и эффективное сосуществование множества миров — после копенгагенской интерпретации квантовой механики такой взгляд на вещи никого не должен удивлять. Что вместо всего этого предлагает нам устаревшая современность, модерн? Бетонные башни и коробки, антинаучные²⁵ мечты о покорении космоса, смерть после смерти и четырехчасовой рабочий день для наших правнуков. Что предлагают изоляционисты, верующие в глубинную разность цивилизаций? Войну на уничтожение.

Постмодерн, вопреки положениям Харви, Андерсона и Джеймисона, предстает не каким-то побочным результатом модификации рыночных отношений, но исторически закономерной радикально-релятивистской познавательной парадигмой. Рынок всячески пытается приспособиться к этой релятивистской парадигме, в контексте которой предугадать желания потребителя становится крайне сложно. В современном мире все труднее определить, кто стоит рядом с нами в вагоне метро, каковы его вкусы и жизненные тактики. Рынок, будучи по природе протеичной субстанцией, пытается встроиться в эту новую логику, используя все стили сразу, применяя все виды технологий. В постмодернистской парадигме рынку приходится прилагать больше технических усилий, чтобы понять и сформировать потребности потребителя. И определенная часть людей остается вне рыночного контекста. Размывая все иерархические системы, постмодерн размыл и образ успешности. В моде потребительская неадекватность: отказ от дорогих гаджетов, дауншифтинг, минимализм, полный потребительский аутизм, при котором человек вообще не использует наиболее зарекомендовавшие себя товары производителей-монополистов. Желая угодить как можно большему числу людей, капиталист создает шизофреническую рекламу в качестве универсального оружия. В шоу-бизнесе такой подход очевиден: здесь стараются одновременно угодить «сноба» и «быдло». Но все эти рыночные ухищрения — не базис, а надстройка: базисом

²⁴ Следует заметить, что Джеймисон чрезвычайно сужает метод пастиша, игнорируя его критические и творческие функции, подробный разбор этого термина см.: Драйер Р. Пастиш. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. — 344 с.

²⁵ В настоящее время нет никаких оснований считать, что катастрофические для организма последствия космического излучения и невесомости будут преодолены. См.: Полет человека на Марс невозможен // Наука и жизнь. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/19506/> (дата обращения: 18.01.22).

стал антимодерный сдвиг, возникшее недоверие к истинности человеческого познания. Это недоверие утвердилось, когда тоталитарные проекты модерна — большевизм, национал-социализм, маоизм и т. п. — окончательно дискредитировали любые попытки выстроить общество на основе единой идеологии.

Не следует разводить в стороны методологию постструктурализма, ситуацию постмодерна, постмодернизм в архитектуре и т. п. Все перечисленные явления, будучи потоком разнообразных элементов, стоят на общем фундаменте конкретных гносеологических и антропологических обстоятельств. Ситуация постмодерна — концептуальный каркас этого нового положения вещей. Выделяя особую ситуацию, мы осмысливаем существо фундаментальных изменений, заявивших о себе в литературе и философии, а позже в архитектурной практике. Постструктурализм — частный случай этой общей познавательной парадигмы, это методология, соответствующая гносеологической ситуации, которую предвосхитили и подготовили трактат «Критика чистого разума» Канта и роман «Улисс» Джеймса Джойса. Эти книги (задолго до Освенцима) запретили пользоваться ограниченным инструментарием для анализа так называемой реальности. Теперь, когда мы собираемся всерьез что-нибудь осмыслить, что-то концептуально выразить, посмотреть на что-то так, чтобы результат не был смехотворен, для этого — после агностицизма Канта и мультигностицизма Джойса — придется смотреть на вещи, используя двадцать восемь тысяч фасеток и тридцать тысяч линз. А потом уже были Освенцим, ГУЛАГ, «культурная революция» и красные кхмеры, подтвердившие правоту принципиального незнания, то есть той смиренности, которая у Джойса и Канта соответствует скромности античного человека. Философ и религиовед Роман Светлов утверждает, что древнегреческие мыслители, когда говорили о любви к мудрости, подразумевали настороженность к претензиям человеческого разума на знание. Ранние философы и древние трагики были озадачены границами наших познавательных способностей, они обнаруживали в своих жизненных практиках, в своем творчестве почтение древнего человека к величию космоса и к божественным силам, которые космосом руководят²⁶. Но человек Нового времени, опаленный и развращенный огнем Прометея, стал настолько самоуверенным, что решил построить идеальное общество, возведенное на фундаменте рациональной схемы. В реальности постмодернизма не существует. Когда употребляют это слово, говорят о конце нечистой веры в абсолютное могущество человеческого разума. Затем пришло понимание, что разочарованность в грандиозных утопических проектах Нового времени не обрекает нас на циничное отчаяние и беспринципные игры со старыми стилями и смыслами, а наоборот — делает разумней; сущность метамодерна состоит в этом осознании. Уже в 50-х годах «бит-поколение» концептуализировало смерть высших ценностей, но кто-то сумел тотчас обрести новые ориентиры. Скажем, поэт-битник Гэри Снайдер провел много лет в дзен-буддийских монастырях и разработал своеобразную экологическую философию, хотя приятели его умирали от цирроза <...> Снайдер напрямую обращается в своей поэзии к нечеловеческому и дикому, он сознательно борется с антропоцентризмом и деколонизирует собственную поэтику, сочетая мотивы Уолта Уитмена с японскими философско-эстетическими принципами. Но почему-то представителем постмодернизма в литературе считается другой битник — Уильям Берроуз²⁷, который делал акцент на деструктивных практиках. Последовательный антимодернизм Снайдера соответствует игнорируемой линии постмодернистской культуры — созидательному, экологическому направлению, приводящему к этике метамодерна.

²⁶ Светлов Р. (2019) Философ в современном мире [видеозапись] // YouTube. 9 декабря (<https://www.youtube.com/watch?v=exYYKaZ0MeQ>) Просмотров: 15.01.22.

²⁷ Липнягова С. Г., Малиновская Е. А. Десакрализация религиозных и мифологических мотивов в романе Уильяма Берроуза «Гольф завтрак» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 6. С. 97–101.

Именно в эпоху постмодерна возникла глубинная экология, заявившая, что природная среда и животные должны быть защищены, даже если не представляют ценности для Homo sapiens. Позиция глубинной экологии враждебна прометеанской сущности марксизма, ведь он был той авангардной частью модерна, которая стремилась еще больше усилить экспансию человека, еще больше очеловечить внешнюю среду, сделав ее полностью контролируемой. Маркс восхищался цивилизационными победами буржуазии, но считал их недостаточными. Поворот к нечеловеческому — неизбежное логическое следствие краха прометеанства, то есть человеческой самонадеянности, вооруженной научной мыслью.

Обвинения в мелочности, в потворстве обывательским вкусам и рынку, бросаемые марксистами постмодернистской архитектуре, не выдерживают критики. Постмодернизм разрабатывал свои величественные проекты, хотя в них не было ничего титанического, ведь они зиждились на противоположных титанизму принципах. В качестве примера грандиозного замысла стоит привести экспериментальный город Аркозанти в Аризоне. Архитектор Паоло Солери создал новую архитектурную концепцию — аркологию, соединив архитектуру и экологию в одно целое. Задача аркологии — минимализировать вред, который человек наносит окружающей среде, используя особые высокотехнологичные конструкции, названные гиперструктурами; автономные поселения должны становиться частью среды, а не просто соответствовать ей эстетически. Грандиозные экологические проекты, подобные Аркозанти, не были антитезисом предшествующей архитектурной традиции — они стали диалектическим снятием двух антитез. Вбирая в себя все достижения модернизма, высокий архитектурный постмодернизм преодолевал худшие тенденции современной архитектуры, примерял человека с нечеловеческим, не проваливаясь в архаику и китч. **Аркозанти начали строить уже в 1970 году, но до сих пор не достроили — что весьма символично. Если Пруитт-Айгоу взорвали, тем самым подтвердив исторический конец Прометеевой современности, то грандиозный проект послесовременности ждет своего развития в метасовременности,** которой следует очиститься от юношеских болезней предшествующей культурной парадигмы: от нарочитой провокационности, местами бездумной эклектики, беспокойного культа «экзотики». Ведь «экзотика» больше невозможна, так как теперь не существует культурной периферии, невозможна и знаменитая постмодернистская «шизофреничность», ведь больше нет рационального центра, канона, от которого можно отклониться. Зато есть еще более серьезные экологические запросы — они должны пробудить осознанную зеленую политику, так как представители всех культур и религий, человеческие и нечеловеческие существа нуждаются в чистом воздухе. В этом и состоял исторический смысл прометеанства: человек современности, победив Гею, сделал ее служанкой своего научного познания; теперь научное знание становится служанкой Земли. Об этом говорит и Бруно Латур: речь идет не об отказе от технологий, речь идет о новой эпохе, в которой технологии станут обслуживать Землю, а не эксплуатировать ее. В таких обстоятельствах методом борьбы становится не луддизм, но подлинная рациональность, учитывающая потребности будущих поколений землян, человеческих и нечеловеческих существ: «Дух новаторства сохраняется — меняется лишь точка его приложения»²⁸. До Латура об этом пронзительно писал экономист Эрнст Фридрих Шумахер: «Мудрость требует, чтобы техника повернулась лицом к природе, добру, ненасилию, изяществу и красоте. Как можно построить мир на основе не думающей о последствиях науки и разрушительной техники? Необходима революция в технике, необходимы изобретения и машины, по-

²⁸ Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 140.

могающие свернуть с дороги в бездну, по которой мы все сейчас идем»²⁹. Чтобы перейти в новую эпоху, следует осознать, что прометеанский проект Нового времени был утопией, он игнорировал реальные возможности Земли, полагаясь на неограниченный потенциал человеческого разума. Сегодня, оглядываясь на XX век, мы видим, что разум страдал безрассудством. Как писали колдуны постструктурализма, не сон разума порождает чудовищ, а бдительная рациональность.

КАК МЕТАМОДЕРН ШОПЕНГАУЭРА С ГЕГЕЛЕМ ПОМИРИЛ

Мы будто бы совершаем новый диалектический пируэт и в который раз переворачиваем гегелевский проект: дух не перестает перевоплощаться.

Бруно Латур

Спекулятивные реалисты справедливо находят истоки постмодерна в агностицизме Канта. Скрытость подлинной реальности для человека, обнаруженная великим кёнигсбергером, приводит к возможности того мультигностицизма, который впервые и наиболее ярко дал о себе знать в поэтиках романа «Улисс». Как заметил философ Сергей Хоружий, сегодня человек себя чувствует ансамблем практик, а не единичной сущностью, человек уже не удовлетворяется одной профессией, одной оптикой, одной практикой, одной религией — это факт современной антропологии³⁰. Важно заметить, что кантовский агностицизм и джойсовский мультигностицизм противоречат всему движению модерна: ведь уверенность в своих познавательных способностях и единый план порабощения окружающей среды — необходимые предпосылки для успешной экспансии, для реорганизации природного ландшафта в антропотопос. Благодаря Канту и Джойсу субъект снова становится неуверенным: теперь он знает, что его глаза не могут познать вещь в себе, он знает о бесконечности интерпретационных парадигм; человек Запада начинает сомневаться, что «варварские» народы уступают ему в познавательных способностях. Поэтому наиболее последовательный и пронизательный ученик Канта обращался к Упанишадам. Идеалы Шопенгауэра, аскеза и созерцательная жизнь (*vita contemplativa*), решительно возражают захватническим настроениям модерна, которые философски оправдал Гегель, а Маркс приспособил для прямого политического действия. Ошибка Шопенгауэра заключалась только в его антиисторичности. Если рассматривать квиетив воли не в качестве индивидуальной практики, а в качестве общественной установки, то XIX век, разумеется, не мог принять такую позицию. Человечество только вступало в свою наиболее хищную и важную историческую фазу, которая была полностью оправданна (ненависть к Новому времени по глупости сравнима только с ненавистью к собственному пубертатному периоду). Самые тривиальные силы природной среды все еще угрожали человеку, поэтому историческая философия Гегеля, оправдывающая бескомпромиссный прогресс, была наиболее уместна. Только после катастроф XX века цивилизация смогла осознать избыточность и опасность своей воли к власти, только теперь человечество вступает в ту фазу, когда квиетив воли становится наиболее адекватной общественной установкой, **только теперь появляются экономические и технические возможности поддерживать уровень жизни, радикально снизив интенсивность производства**. Ради чего?

²⁹ Шумахер Эрнст Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 52.

³⁰ См.: Джеймс Джойс и его роман «Улисс» (2017). Канал «Культура» [передача «Наблюдатель»] // 2 февраля (<https://smotrim.ru/video/1626315>).

Чтобы созерцать вершины гор, дышать более чистым воздухом и передать Землю будущим поколениям в достойном облике. Мы видим, что пандемия не привела к экономической катастрофе даже в неблагополучных регионах: вершины гор в очистившемся Джаландхаре стали видны не ценой тотального голода. Получается, что возможности есть, надо лишь замедлиться и переключиться с алчного смысла цифр в здравый смысл нечеловеческого.

Разочарованность в метанарративах может вырождаться в культ банальности. Осознав собственную ограниченность, субъект больше не беспокоится по этому поводу — не ищет путей к новой экзальтации, новой миссии, новому стилю и величию, не перерабатывает приемы старых эпох, не переписывает правила игры. Он просто наслаждается приятными мотивами, обыденной сентиментальностью, не имея никаких честолюбивых притязаний, не беспокоясь по поводу новизны собственных высказываний, не занимаясь жизнетворчеством. Такая тенденция тоже дает о себе знать в метамодерне. Если мы больше не порождаем экспериментальные миры вместе с модернистами, если мы отказываемся постигать самые экзотические языки, странные состояния и неклассические логики вместе с постмодернистами, если мы не доходим в своем самоотрицании до нечеловеческого, то нам остается только измельчание. В России данная линия заявляет о себе в некоторых направлениях академической музыки: мы наблюдаем здесь всего лишь ослабленную версию постмодернистской иронии, состояние обыденного субъекта, смирившегося с собственной ущербностью, оцепеневшего на полпути к нечеловеческому.

Энергию постмодернистской конъюнкции часто применяют не во благо. Но проще было бы отказаться от атомной энергии, чем вернуть логику параноидальной дизъюнкции, хотя именно это пытаются осуществить «патриотичные» поборники изоляционизма и марксистские апологеты утраченной современности, а некоторые течения метамодерна хотят вернуться к обывателю — с его простыми чувствами, с его наивностью и непосредственностью. Все эти линии отправляют нас назад, игнорируя главный интеллектуальный и этический вызов сегодняшнего дня. Только выход к нечеловеческому позволит нам продолжить историческое существование в новой перспективе.

В своей интерпретации Гегеля философ Александр Кожев пришел к замечательному выводу о конце Человека. Homo sapiens продолжает жить и здравствовать, но Человек, согласно Гегелю в интерпретации Кожева, есть нечто большее, чем просто биологический вид. Человек определяется негацией, то есть отрицанием своего налично-данного состояния. Эта негация давала о себе знать в революциях и в победе над природной необходимостью. Если верить Кожеву, история закончилась, человек стал самодовольным и предельно свободным существом, которое не рискует жизнью ради большей свободы, а это значит, что в ней и нет подлинной необходимости. Кожев не относился серьезно к безоружным революциям, как и к проекту своего ученика Батая, который разыскал возможность негации в личных практиках трансгрессии. Мы видим сегодня, что Кожев был прав: любой артефакт массовой культуры (начиная с музыкального клипа, заканчивая металлическим концертом и хоррором) эксплуатирует идею трансгрессии: все негативное, опасное, запретное и преступное стало частью комфортной жизни самодовольного обывателя, который может поругивать власть и даже бить витрины от недовольства частными явлениями, но только все это не соответствует признакам исторического существования. По этому поводу замечательно высказался Сергей Аверинцев: «Нигилист — нынче уже не бунтарь, едва ли даже циник в настоящем смысле слова, потому что он больше не стоит „против всех“. Важнейшие приметы бунтарства, например, компоненты идеологии студенческих мятежей в Сорбонне 1968 года, сегодня превратились в господствующий trend, в условие political correctness. Отмена всех обязывающих табу, особенно в сексуальной сфере; вульгар-

ный феминизм, de facto стремящийся отменить как раз творческое в женщине и разрушающий традиционное уважение к материнству; демонтаж всех культурных иерархий и знаменитый антиэлитистский принцип „ты не лучше меня“; принципиальное превосходство самодовольного невежества над „Пайдейя“, — все это уже принадлежит, говоря по-флоберовски, сфере *Idée reçue*, „прописных истин“, аксиом, принимаемых автоматически и без всякой критики. Уж если что-нибудь и сегодня, посреди всеобщей отмены табу, вправду остается табуированным, так именно решимость поставить под вопрос какую-нибудь из этих аксиом»³¹.

Подлинной трансгрессией (выходом за пределы) оказывается не индивидуальное экстатическое самоутверждение, а коллективное аскетическое самоотрицание человека, ведь аскезис полностью противоречит внеисторической природной данности, в которую, согласно Кожеву, погружается человек после конца истории. Под аскезисом в данном случае мы понимаем экологический поворот, уменьшающий агрессивное человеческое присутствие в мире: зарастая, обретая контуры дикости, антропотопос постепенно становится эколукусом. Интересно, что Кожев признает лишь историческую диалектику, отрицая диалектику природы. В первой половине XX века нельзя было понять, насколько Земное пострадало от освободительных действий человека. Но сегодня человек не столько борется с дикой внешней средой, сколько вынужден справляться с последствиями своей борьбы. Высвобождаясь из тюрьмы природной необходимости, он повредил стены тюрьмы, а затем понял, что это стены его дома. Теперь мы видим: конец исторического человека, бывшего раба, который отвоевал себе лучшие условия жизни у господина и среды обитания, не оказывается полным историческим коллапсом — появляется новый смысл, состоящий в заботе о побежденном «враге». Благодаря этому смыслу ослабленный современный постчеловек, лишенный подлинной негативности, отрицания, может воскреснуть в новом качестве. Диалектика природы и диалектика истории встречаются в синтезе, когда Земное становится поводом, чтобы *Homo sapiens* опять начал действовать исторически, то есть принялся радикально исправлять жизненные условия. Самоутверждаться, завоевывая свободу и ресурсы, — сегодня в этих гегелевских признаках человечности мы обнаруживаем законы животного мира. Но ни один зверь не умеет заботиться о других видах, руководствуясь эстетическим чувством, а не биологической выгодой. Поворот к нечеловеческому дает нам шанс вновь обрести то, что римляне обозначали словом «*gloria*». В настоящее время, когда слава приравнивается к популярности, нам трудно понять античный смысл этого понятия. Насколько человек может перешагнуть через свои животные потребности — вплоть до инстинкта самосохранения — настолько, согласно республиканско-аристократической этике древних римлян, он достоин славы. Идея республики — как общей вещи, забота о которой определяет степень доблести, — может стать планетарным экологическим проектом.

Стоит покинуть Кожева и взглянуть на закат антропоцентризма с иной стороны. Тогда мы столкнемся с дискредитацией человеческой самоуверенности тоталитарными режимами, которые были высшей формой прометеанства. Строители прекрасных и справедливых миров ради своих идеалов уничтожили миллионы людей. Вслед за Адорно можно усомниться, что после Освенцима допустима поэзия, но постмодернисты подобралась ближе к истине, когда нашли связь между Освенцимом и архитектурой в духе раннего Ле Корбюзье. Ведь поэзию и возвышенное легко соотносить с домодерной и даже нечеловеческой онтологией, а вот модернистские постройки воплощают собой агрессивный антропотопос, сущность которого — видовой и культурный тоталитаризм. Согласно Кожеву, мы достигли состояния животного довольства, не желая больше радикально переорганизовывать мир. А постмодернистские критики модерна

³¹ Аверинцев С. О духе времени и чувстве юмора // Новый мир. 2000. № 1. С. 139.

говорили, что все проекты реорганизации создали такие картины социального ада, что мы более не имеем морального права еще раз решаться на что-то подобное. Сходятся эти позиции в одном: Прометей умер, а вместе с ним была похоронена подростковая спесь человеческого разума. Космическое излучение и банальная несовместимость жизни с невесомостью надолго задвинули в область научно-популярной литературы и фантастики все пубертатные мечты футуристов о колонизации космоса, освободив место для Земного в актуальном интеллектуальном дискурсе. Земное может стать новым поводом для благородного возвышения Homo sapiens до уровня Человека. Циолковский называл Землю «колыбелью», из которой человечеству пора выбираться. Космический пессимизм и общее разочарование в футуристических проектах заставили нас посмотреть на Земное с другого ракурса. Теперь Земля не колыбель, а непознанное, величественное существо, пострадавшее от нашей наивной подростковой самоуверенности. Такое положение вещей может показаться мрачным и тревожным, если неземное и огонь Прометея не отпускают. Тогда и модернистский архитектурный космодром предстает в виде грандиозных конструкций, хотя *земные* видят здесь лишь нагромождение бетонных плит. В работе «Где приземлиться?» Латур позволил себе такую дизъюнкцию, жестко противопоставляя людей Нового времени и земных, предвосхищая конфронтацию между этими лагерями³². И вскоре ситуация пандемии подтвердила, что Прометеево господство модерна — вопреки постмодернистским победам Пана — парадоксальным образом продолжается.

НЕБО ДЖАЛАНДХАРА. ВОЗМОЖЕН ЛИ КАРАНТИН ПОСЛЕ ОСВЕНЦИМА?

Рамсес II не мог умереть от туберкулеза, поскольку тот еще не был открыт.

Бруно Латур

В 2020 году жители индийского города Джаландхар впервые за тридцать лет смогли наблюдать вершины гор, ведь благодаря карантину прекратили работу промышленные предприятия, транспорт освободил дороги, отменили рейсы авиакомпании, поэтому воздух очистился, ультрадисперсных частиц стало на 44 % меньше³³. Понизив интенсивность своего присутствия в мире, человек расчистил для самого себя и для других видов среду обитания. Прискорбно, что этот положительный эффект стал результатом принудительных мер, а не сознательного выбора. Парадокс данной ситуации состоит в том, что современный мир временно противостоял самому себе. С одной стороны, модерн вынужден был ограничить свою экспансию, ссылаясь на бесспорный авторитет собственных жрецов; с другой стороны, пандемия обрушила проект мультинатурализма: представители ненаучных мировоззрений оказались в общем вирусном котле, в зависимом положении от представителей привилегированного дискурса — от жрецов Медицины. Приходится признать, что идея мультинатурализма не выдержала этого испытания либо человечество еще не доросло этически до того плюрализма, о котором пишут Бруно Латур и Эдуарду Вивейруш де Кастру. Эти мыслители утверждают, что понятие «природа» существует лишь в мышлении человека Запада, который со времен Платона противопоставляет ограниченные человеческие мнения истинному положению вещей. Сегодня доступ к «природе вещей» имеют жрецы науки,

³² Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 154—155.

³³ Впервые за 30 лет Гималаи стали видны из индийского города Джаландхар // National Geographic Россия. URL: <https://nat-geo.ru/accidents/kitajskij-koronavirus-2020/vpervye-za-30-let-gimalai-stali-vidny-iz-indijskogo-goroda/> (дата обращения: 17.01.22).

выходящие из пещеры незнания на свет, чтобы затем рассказать обывателям о том, как все устроено на самом деле. Согласно Латуру и Кастру, разделение на природный мир, общий для всех, и человеческий, в котором существуют самые разнообразные мнения и культурные особенности, несвойственно западным народам: «дикари» вообще не различают природное и социальное. Мы знаем, что в индийской культуре, по меньшей мере, со времен Упанишад противоположность лесного и социального была важной дихотомией. Во многих исламских обществах большое значение имеет пустыня, осмысленная в качестве сакрального локуса, противостоящего социальной среде. Известная очарованность природой в культуре дальневосточного буддизма была осознанной эстетической позицией относительно «дикого». Но все перечисленные сборки социального и нечеловеческого существенно отличаются от инструментальной, аналитической и привилегированной методологии Запада. В «Политиках природы» Латур пишет: «Утверждая, что другие культуры искали „соответствия“ между природным и социальным порядком, антропологи все еще предполагали, что это разделение было само собой разумеющимся и в определенном смысле заключалось в самой природе вещей. Тогда как другие культуры не смешивали естественный и социальный порядок, им было неизвестно само это различие»³⁴.

Общая природа в лице пандемии настигла всех, игнорируя культурные различия. Если кому-то удастся лечить болезни аюрведой, молитвой, медитацией, шаманскими путешествиями с бубном, к этому не относятся серьезно: вирус отменил мультигностицизм. Тотальная опасность выявила, что прометеанство до сих пор остается господствующей идеологией, адепты которой способны за несколько дней закрыть все соборы, храмы и мечети, отменить любые сборища единомышленников, даже если эти люди не признают верховенство научного мировоззрения. Оказалось, что ни у кого такого права нет — не признавать объективность Науки. Бородатые борцы с модерном, убежденные и беззастенчивые обскурантисты, не верующие в материю, первыми надели маски. С одной стороны, модерн провел небывалую Прометееву биополитику, заставив действовать всех согласно повелениям сциентистского жречества; с другой стороны, одним из эффектов этой политики стал небывалый аскезис модерна: впервые присутствие цивилизации снизилось настолько, что это положительно сказалось на глобальной экологической обстановке.

Экологически положительные плоды карантина (временные, конечно) в очередной раз подтверждают актуальность «поворота к нечеловеческому» (non-human turn) — интеллектуальной парадигмы, ставшей важной гносеологической предпосылкой спекулятивного реализма — философского течения, представители которого пытаются помыслить мир вне человеческого сознания; кроме того, non-human turn разрешает стержневую апорию метамодерна: как возможна идейная устойчивость, если метанарративы себя дискредитировали, выродившись в тоталитарные системы, как сформировать общую мировоззренческую почву в ситуации беспрецедентного релятивизма? Неудовлетворительный ответ на этот вопрос дали теоретики многополярного мира: надо изолироваться в своем реконструированном культурном логосе, навсегда позабыв о возможности глобальной интеграции, чтобы в пределах локального цивилизационного проекта воздвигать общий идейный фундамент. Но путь изоляционизма <...> губителен для планетарной экологии. Благополучие природной среды не может зависеть от воли мелкого тирана, который, руководствуясь местечковой очевидностью, вдруг решит испытывать на своей территории ядерное оружие, станет сбрасывать отходы в океан или применять убийственные для пчел пестициды. Сегодня, когда Индонезия и Китай больше других засоряют мировой океан³⁵, а в России основные реки считают-

³⁴ Латур Б. Политики природы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 54–55.

³⁵ Соколов Ю. И. Риски тотального пластикового загрязнения планеты // Проблемы анализа риска. 2020. Т. 17. № 3. С. 37.

ся загрязненными³⁶, этим странам никто не дает права на экоцид и свинство, даже если это свинство соответствует их «логосам», в чем следует сомневаться.

Поворот к нечеловеческому разбивает не только правую идею многополярного мира, столь удобную для капиталистических монополистов, он бьет и по марксизму, меняя взгляд на производственные отношения. Скажем, некий капиталист владеет средством производства — судном и китобойным оружием. Он нанимает убийц, которым дает свои орудия и корабль. В итоге собственник платит наемникам 10 % от общей прибыли. Но киту все равно, как распределяют барыш его убийцы. Поворот к нечеловеческому позволяет сломать схемы Дарвина и Маркса: вид *Homo sapiens* больше не конкурирует с другими видами, а наоборот — поступает своей очевидной выгодой (хотя в долгосрочной перспективе действует себе на пользу, но подобное разумное дальновидение не может считаться частью бессознательной эволюционной борьбы). Производство больше не рассматривается в отрыве от главного производителя — природной среды, то есть в отрыве от животных, растений и полезных ископаемых. Экономист Эрнст Фридрих Шумахер писал, что все классические экономические учения допускают одну серьезную ошибку, даже Карл Маркс ошибался в трудовой теории стоимости. Дело в том, что капитал возникает не только благодаря человеческому труду. Основное капиталовложение делает природа, но мы бездумно расходуем этот ресурс, игнорируя его невосполнимость³⁷.

Поворот к нечеловеческому не просто отбрасывает марксизм, но вооружается его логикой освобождения, только на этот раз революция полезна самим угнетателям. Главным производителем теперь считается *порождающая* среда: земля, растения и животные всегда были тем пролетариатом, который, создавая все материальное благо, не только не получал прибыль от производства, но расплачивался за него жизнью и целостностью. Человеческие социальные революции не приносили пользу этому пролетариату, но лишь усиливали интенсивность эксплуатации. Почему такую риторику нельзя назвать метанарративом? Потому что вымершие виды животных, вырубленные леса, отравленный воздух, изуродованные ландшафты молчат, они не создают доктрину. Засоренный океан безмолвствует: он производит и отдает рыбу, а в награду получает мусорные острова и нефтяные пятна. Вымирающим видам все равно, как между собой разделят прибыль исполнитель и организатор грабежа, рабочий и капиталист. Для защиты земли, океана и чистого воздуха требуется не фантастический метанарратив, не *консенсус*, а трезвый взгляд, основанный на чувстве справедливости, в духе архитектора Фриденсрайха Хундертвассера, экономиста Эрнста Фридриха Шумахера, социолога Бруно Латура и поэта Гэри Снайдера. Поворот к нечеловеческому решает фундаментальную проблему философии Лиотара: «Консенсус стал устарелой ценностью, он подозрителен. Но справедливость к таковым не относится. Следовательно, нужно идти к идее и практике справедливости, которая не была бы привязана к консенсусу»³⁸ (когда Дэвид Харви находит в этом положении Лиотара внутреннее противоречие и пораженчество, он расписывается в своей интеллектуальной несостоятельности³⁹). Поворот к нечеловеческому не поможет нам построить общество тотального изобилия и *бескомпромиссной* справедливости, зато позволит сохранить достойные условия жизни, к которым относятся чистая вода, прозрачное небо и живые леса.

³⁶ Данилов-Данильян В. И. Водные ресурсы России: состояние, использование, охрана, проблемы управления // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 5. С. 22.

³⁷ Шумахер Э.-Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 31.

³⁸ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна СПб.: Алетей, 1998. С. 157.

³⁹ Харви Д. Состояние постмодерна. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 124.

Этику метамодерна, вырастающую из состояния постмодерна, легко прояснить на одном примере. Когда Латур писал «Политики природы», только в одной Франции из-за превышения скорости на дорогах погибало 8 тыс. человек в год⁴⁰. Латур задается вопросом: почему скорость передвижения безоговорочно важнее, чем эти жизни? Мы знаем заранее: в следующем году снова погибнут люди, сотни тысяч на всей планете. В России в 2019 году в ДТП погибло около 17 тыс. человек⁴¹. Нет никаких оснований полагать, что эти цифры вдруг радикально снизятся, поэтому стоит признать следующее: мы осознанно обмениваем жизни человеческих и нечеловеческих существ на скорость. Рационально ли такое решение? Соглашались ли жители Джаландхара платить прозрачным небом за производственные скорости? В контексте новой этики такие вопросы уместны, хотя еще недавно необходимость ускорения принимали без обсуждений. Когда Хрущев наводнил колоссальную часть суши дешевым жильем, это постановление казалось разумным, в те времена было мало альтернатив, а бывшие рабы хотели получить господский минимум — нужник и горячую воду. Скорости должны были достичь предельного развития, чтобы гештальт модерна достиг своего аспе. Теперь мы видим, что нервная система людей и земные поверхности не справляются с возможностями даже среднего автомобиля, что земные поверхности и нервная система враждуют с токсичной застройкой. Новая технологическая формация позволяет создавать экологичный и безопасный электротранспорт, строить экологичное и даже эстетичное жилье. Лишь реакционная модернистская инертность, продолжающая бессмысленно наращивать скорости, развивать недалновидную эффективность и ловить временную прибыль, не дает перейти в новую эпоху.

Сегодня из-за деятельности человека 35 % опылителей находятся на грани исчезновения, при этом 87 ведущих продовольственных культур зависят от насекомых, на долю которых приходится 35 % мирового производства продуктов питания; только в экономику США они вносят более 24 миллиардов долларов, опыляя до 80 % цветущих растений⁴². Выходит, не рабочий, а нечеловеческие существа являются наиболее важными и бесправными участниками «производства» (в подобном контексте это слово не выглядит уместным, вот почему Бруно Латур противопоставляет производству *порождение*⁴³, которое в XXI веке выходит на первый план, сметая с постамента фигуру Рабочего). Чрезмерно интенсивное присутствие нашего вида приведет к невеселым последствиям и для самого *Homo sapiens*. Все неприятности можно слишком долго перечислять, они доказывают адекватность и своевременность поворота к нечеловеческому. Примечательно, что пути новой философии коррелируют с экологической повесткой, подтверждающей исключительный вред прометеанских установок модерна, активно действующих до сих пор в результате исторической инертности, хотя модерн был разбит философами и архитекторами послесовременности.

Но сам постмодерн, не оформив должным образом свои зеленые интенции, концептуально деградировал в позднем творчестве Лиотара, когда тот ушел в астрофизику. Теоретик постмодерна заявил, что развитие технологий обусловлено единственной целью — будущим бегством с Земли⁴⁴. Эта идея свидетельствует о полной капитуля-

⁴⁰ Латур Б. Политики природы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 143–144.

⁴¹ ГИБДД раскрыла число жертв ДТП на дорогах России в 2019 году // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e57fdc19a7947d9ab7f5adc> (дата обращения: 15.01.22).

⁴² См.: Fact Sheet: The Economic Challenge Posed by Declining Pollinator Populations // White house president Barack Obama. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/06/20/fact-sheet-economic-challenge-posed-declining-pollinator-populations> (дата обращения: 15.01.22); Save the Bees // Greenpeace. URL: <https://www.greenpeace.org/usa/sustainable-agriculture/save-the-bees/> (дата обращения: 15.01.22).

⁴³ Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 142–143.

⁴⁴ См.: Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего, 2011. С. 47–48.

ции мыслителя перед Прометеем. Мы уничтожим землю намного раньше, чем попытаемся сбежать. И смысл «приземления», о котором пишет Латур, состоит именно в том, что мы уходим из этого инфантильно воображаемого космоса. Отказываясь от идеи экспансивного развития и деструктивного умножения производственно-экономической мощи, человечество возвращается к диалектическому историзму, от которого пытался отказаться поздний Лиотар. Французский мыслитель разыскал странный выход из тупика больших нарративов: он предложил бессмысленно скитаться в пространствах космоса, объявив это новой мифологией постмодерна... Поражает интеллектуальная неудачность подобной концепции. Мы видим здесь только слабую, деморализованную версию прометеанского космизма, тогда как менее шумные провозвестники нового мышления предлагали приземляться в космос (в античном смысле этого слова), а не улетать в него. Западная технологическая культура более не является репрезентативной формой жизни, потому нет никаких оснований выдвигать в качестве доминантного мифа сугубо прогрессистскую и технократическую теорию. Если бы Лиотар додумал до конца собственные мысли, он бы увидел, что культура XXI века выходит из архаичного состояния локальной культуры модерна. Причем данный поворот не осознается в качестве традиционализма и реакции, ведь традиции больше не считают себя альтернативой современности, если речь не идет о маргинальных радикальных течениях. Кто был в Индии, тот знает, что современность здесь так плотно зарастает лианами традиции, что вовсе не выламывается из средневековья: культурный симбиоз не создает впечатление дисгармоничного коллажа.

Мы выяснили, что насекомых-опылителей следует считать истинным пролетариатом планеты, ведь они вносят огромный вклад в производство продуктов питания. Кроме того, пчелы обладают особым зрением, которое может послужить метафорой для ситуации метамодерна. У пчелы два сложных и три простых глаза, в каждом сложном (фасеточном) глазу пчелы пять тысяч глазков-омматидиев; этими сложными глазами пчела различает движущиеся предметы и распознает форму неподвижных. Простые глаза, как предполагают ученые, нужны пчеле, чтобы различать свет и тьму. На уровне культурной, мировоззренческой, религиозной разности мы остаемся в фасеточной раздробленности постмодерна, причем у каждого человека свой особенный набор культурных фасеток. На уровне определения темноты и света мы используем обыкновенное зрение, которое может объединить всех людей Земли. Темнотой можно считать утилитарное отношение к природе. Но даже само понятие «природа», как показали Латур и Кастру, легко поддается фашизации. Сегодня, когда плоды просвещения и технического прогресса оборачиваются катаклизмами антропогенного генеза и беспримерным варварством, свет и тьму легко перепутать, поскольку борьба с излишествами человеческого присутствия может походить на рядовой обскурантизм, вот почему субъекту метамодерна лучше иметь в своем распоряжении все пять пчелиных глаз.

СВЕТЛЫЕ ОНТОЛОГИИ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Победа над природой равносильна поражению и уничтожению человека. До совсем недавнего времени борьба человека с природой шла столь успешно, что у него возникла иллюзия неограниченной власти, но при этом провозглашать полную победу над природой было рано. Теперь же, по-видимому, она не за горами, и многие, пусть их и меньшинство, стали осознавать все последствия такой победы для существования человечества.

Эрнст Фридрих Шумахер

В литературе поворот к нечеловеческому обозначился вполне отчетливо: на передний план выдвигается то, что мы называем «внешним миром», некая часть среды, это может быть местность — как в романе «Выгон» Эми Липтрот, мощные агентности грибов — как в книге «Путь через лес. О грибах и скорби» Лонг Литт Вун, либо животные, которые раскрываются в роли нечеловеческих двигателей человеческой культуры и метафизики — как в книге Роберта Пуцка «Семнадцать животных». В ближайшее время следует ожидать художественную прозу, посвященную миру моллюсков и минералов. А в современной философии выявилась доминирующая тенденция под названием «темная онтология». Мыслители стали сосредоточивать внимание на тревожных аспектах природы. Ведь материальный космос несет в себе бесчисленные опасности, колоссальные силы окружают человечество со всех сторон, лишая его всякой надежды. На фоне устрашающих безличных гигантов мы кажемся ничтожными сгустками слизи. Жизнь, как считают затемненные мыслители, — только незначительный эффект в равнодушных складках материи. Не все философы спекулятивного направления так пессимистично смотрят на вещи, но большинство из них зачаровано пугающей странностью так называемой реальности: в объектах есть что-то чужеродное, непознанные глубины вещей скрываются от ограниченного человеческого познания. В каждом объекте можно рассмотреть маленькую модификацию Мальстрема. Объектно ориентированная онтология заявляет, что любую вещь невозможно исчерпать совокупностью восприятий — в ней всегда сохранится какая-то незримость, хотя это не лишает нас доступа к вещам, ведь их искажения в чувственном мире, производимые скрытыми от восприятия качествами, и есть «реальность». Таким способом Грэм Харман пытается преодолеть агностицизм великого кёнигсбержца: он предпочитает отдыхать в тени Канта, а не убегать от нее, как делают иные спекулятивные реалисты. В объектно ориентированной онтологии ужас лишь подчеркивает амбивалентность вещей: они даны в опыте и скрыты одновременно, что-то тревожно захватывающее проскальзывает в каждом объекте. Многие современные философы, такие, как Дилан Тригг и Юджин Такер, беззастенчиво эксплуатируют известную эстетическую категорию возвышенного, ведь губительные силы враждебного космоса создают захватывающий эффект, а перспективы тотальной гибели порождают изощренное чувство удовольствия. Многие темные мыслители критикуют предшествующую экологическую политику: якобы глубинная экология недооценивала инаковость природы, относилась к ней слишком по-свойски, слишком романтично. И вот здесь мы сталкиваемся с идеей «другого», которую Александр Пятигорский считал одним из самых вульгарных понятий гуманистической философии XX века⁴⁵. Философия другого говорит, что нам следует принимать «не-я», не присваивая его. Принять «не-я», не стремясь к тождеству, сосуществуя с ним в напряженной параллельности, при этом стараясь создать в такой ситуации некий общий мир, основанный на понимании, — подобная позиция странно соответствует нынешней политической ситуации, коррелирует со скрытой ксенофобией, пронизывающей цивилизованный мир. <...>

Тимоти Мортон связывает все эти тревожные чувства с романтическим восприятием природы. Но романтики, находя Внешнее возвышенным и устрашающим, отдавали себе отчет в том, что чувства эти обусловлены внутренней матрицей субъективного опыта, поэтому Природа для них была системой символов, Внешнее в романтизме оказывалось частью духовного мира субъекта. Кроме того, многие романтики шли еще дальше, когда сами себя наделяли темной демонической агентностью, как бы ставя себя на сторону Внешнего — против человеческого; а представители темного поворота даже не обсуждают свой личный статус в контексте конфликта человеческого и Внеш-

⁴⁵ Пятигорский А. Введение в изучение буддийской философии. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 7.

него — они всегда расплющены гиперобъектами, бактериальной слизью, собственным древним телом и всей космической непредсказуемостью. Если образом просвещения был человек с факелом, то аллегорией темных онтологий может быть человек, обронивший факел: огонь упал и погас, человек находится в растерянности, ему страшно в темноте. Напротив, романтический субъект нередко сам становился сгустком опасной тьмы, поэтому он с удовольствием находил родственную себе опасность в нечеловеческом и западном. Романтикам нравилось все чужеродное и экзотическое <...>

Современный мыслитель (как и просвещенный обыватель) не может себе позволить открыто избегать чужеродного, он пытается решить эту проблему в духе равенства и братства. Но подлинного братства быть не может, если мы отрицаем необходимость глубокой культурной интеграции. Короче говоря, западные культуры не просто должны быть приняты в качестве «других», они должны быть освоены и присвоены (в хорошем смысле этого слова), чтобы перестать быть «другими», став частью интегрального Парламента. Только тогда мы преодолеем гносеологический антропоцентризм, когда станем узнавать собственное «я» в разнообразных культурных традициях и формах жизни. Это касается и нечеловеческой среды, природного мира. Экологические движения 60–70-х годов исходили из того, что человек — часть экосистемы, а не отчужденный агент, адепты этих движений стремились предельно приблизиться к дикому, чтобы найти в нем отражение собственной сущности. В контексте такой проблематики темные онтологии оказываются реакционным антропоцентризмом, делающим ставку на человеческое знание, человеческую растерянность и трагичность человеческой участи.

Так называемая «темная экология» находит противоречие в том, что модерн должен быть преодолен своими же средствами. Хотя противоречия здесь нет, если мы, исследуя ситуацию, сохраняем элементы исторической диалектики: количественный прирост механизмов переходит в качественный скачок, после которого техника начинает скрываться — подобно природе Гераклита. Не только сложная современная техника, созданная для покорения природы, но и простые вещи могут обрести незаметность. Мы уже наблюдаем это в дизайне. Мебель из грибов, которую создает биолог и художник Фил Росс, — прекрасный пример технологического аскезиса: с помощью новейших технологий был создан объект, предмет интерьера, предельно приближенный в своих качествах к изначальной природной субстанции, к нечеловеческой среде. Научная сложность здесь не бросается в глаза, здесь нет и намека на технологическую агрессивность: искусное притворяется безыскусным⁴⁶. Грибная мебель похожа на куски дикого неоформленного естества, хотя на самом деле она стала возможна только благодаря изощренным научным изысканиям. Здесь проступает новая эстетическая и антропологическая парадигма: человек и технологическое оружие человека прячутся, скрывают себя, не переставая господствовать. Мебель из грибов — яркий пример поворота к нечеловеческому в дизайне.

Природа угрожает нам единственным образом: скоро придется (вопреки розовым футуристическим фантазиям) отказаться от ряда привычек, от высокого уровня комфорта. Мы живем так, словно тратим ресурс пятидесяти планет, хотя имеем только одну. Бруно Латур посвятил этой проблеме свою книгу «Где приземлиться?», до него об этом писали экономист Шумахер, битник Снайдер, архитектор Хундертвассер и многие другие. В этой перспективе все и впрямь темно, ведь мы упорно не желаем признавать, что живем в кредит, который не сможем погасить, что наше относительное благополучие обусловлено экологическими катастрофами в тех странах, где сосредоточено наиболее вредоносное производство. Сначала Запад устраивает в разоренных

⁴⁶ Дорфман С. Следуй за мицелием: как вырастить из грибов одежду мебель и дом // Strelka mag. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/slelui-za-miceliem-kak-vyrastit-iz-gribov-odezhdu-mebel-i-dom> (дата обращения: 12.01.22).

странах Азии всемирную свалку, а потом угрожает экологическими санкциями — разве это не очередной виток колониализма? Раньше христианская цивилизация оправдывала свою экспансию теологическим превосходством, затем культурным, а теперь экологическим. Малодушные рассуждения темных экологов об оправданной панике и бессилии человека покажутся странной эстетической софистикой, если мы вспомним, что требуются от нас достаточно простые и вполне конкретные действия, о которых современное экологическое сообщество говорит более полувека, а до этого говорили американские трансценденталисты. В России темная экология в полной мере раскрывает свою инфантильную сущность, ведь ее представители предпочитают полагаться на подачки корпораций и рассуждают о «безвредных» способах добычи нефти в Норвегии⁴⁷. Здесь вновь заявляет о себе безумная идея модерна, игнорирующая ограниченность планетарных ресурсов, что весь мир сможет превратиться в гомогенный процветающий Запад! Похоже, российская темная экология настолько темна, что верит в пропаганду тех, кто заказывает усыпляющую музыку на «Титанике», ведь в Норвегии как раз орудовала американская компания «Еххон Mobil», выделявшая огромные инвестиции на форсированную добычу нефти и на пропаганду лжи, согласно которой тревоги экологов безосновательны⁴⁸.

Спекулятивный реализм и темные онтологии — побочные ветви более значительной интеллектуальной тенденции, заявившей о себе вскоре после катастрофы Второй мировой войны. Эта тенденция развивалась параллельно цинизму и растерянности низкого постмодерна. Мыслители, принадлежащие этой созидательной линии, придерживались строгих этических принципов, не впадая в доктринерство. После дискредитации любых грандиозных проектов именно поворот к нечеловеческому стал тем политическим аттрактором, который способен избежать авторитарности всеобщего консенсуса.

Возвращаясь к темному повороту, следует указать, что это направление мысли, будучи качественно *додуманным до конца*, завершилось в статье Кристофера Лэнда «Апоморфиновое молчание: нарезая теорию Берроуза языка и контроля». Лэнд опрокидывает привычный взгляд на внешнее, вслед за Уильямом Берроузом обнаруживая чужеродность в языке и мышлении. Лэнд мыслит в традиции спекулятивного реализма, но творчески его преодолевает, избавляясь от клишированного взгляда на объективное и субъективное, внешнее и внутреннее в опыте⁴⁹. Берроуз считал, что язык — это форма вируса, ведь его основная функция — экспансивное самовоспроизводство. Язык захватывает личность на всех уровнях, вплоть до телесности. Постоянный внутренний монолог встраивается в психику и организует ее таким образом, что мы принимаем эту чужеродную агентность за самих себя, мы отождествляемся со словами, звучащими в голове непрерывно. Язык формирует систему категорий, становясь единственной призмой, с помощью которой мы действуем в мире. Литературной тактикой Берроуза была деструкция этого вируса. Впрочем, в итоге писатель разочаровался в борьбе с языком средствами самого языка. Осознал ли американский писатель, что язык не ограничивается логически организованной словесностью? Внимательно присмотревшись к «внутреннему» монологу, мы заметим, что его обыденное состояние больше напоминает авангардные нарезки, чем логически организованный текст. Обратившись к деструкции языка с помощью нарезки текста, Берроуз просто возвратился

⁴⁷ Темная экология // Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/temnaya-ekologiya-efir-v-18-05/31518577.html> (дата обращения: 05.01.22).

⁴⁸ Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 39.

⁴⁹ Christopher Land Apomorphine Silence: Cutting-up Burroughs' Theory of Language and Control // *Ephemer: theory & politics in organization*. 5 (3). P. 450–471.

к обыденному состоянию неорганизованной речи, под бременем которой каждый человек проводит дни, используя механизм языка функционально лишь в состоянии сосредоточенной деятельности. Слово посмеялось над битником. Кроме того, Берроуз должен был догадаться, что не следует выделять именно монолог в качестве основной функции языка, ведь образы, обработанные эмпирические впечатления и чувственный отклик тоже становятся деталями этой машины; нарративные языковые функции — лишь один тентакль спрутовидного ума. Невозможно представить себе чистый монолог без всплывающих иллюстраций и эмоциональных ответов. Короче говоря, когда мы наблюдаем какую-то вещь, не только название этой вещи и сопутствующие слова, но и сам образ вещи, положительная, отрицательная или нейтральная оценка этой вещи — все становится частью языковой структуры. Некоторые школы буддизма считали, что в первом мгновении восприятия (свалакшана) воспринимающий субъект и воспринимающийся объект находятся в нераздельности, поэтому первое мгновение восприятия свободно от категориально-языковой обусловленности, но этот миг невозможно уловить обыденным сознанием, ведь ум тотчас захватывает щупальцами интерпретации любой опыт. Сами буддисты тоже использовали техники деструкции языка, чтобы достичь парадоксального состояния, осознавая ограниченность подобных методов. В буддизме ум считается единственным устрашающим гиперобъектом, единственной возвышенной проблемой, единственным ксеноагентом. В одном древнем буддийском тексте ученик Шарипутры заводит разговор с собственным умом, полностью растождествляясь с ним: ум выступает здесь в роли хитрой чужеродной сущности; порой эта сущность притворяется союзником на духовном пути, чтобы сохранять господство⁵⁰. Трудно сказать, насколько хорошо Берроуз изучил буддийскую философию, но мы точно знаем, что его друзья битники знали ее весьма неплохо.

Ум-Ктулху — мы будем называть его Ктулхум — оплетает сознание щупальцами всевозможных идей. Например, он может изобрести такую случайность, которая способна существовать без своей противоположности — необходимости, предоставив некие математические данные, якобы подтверждающие возможность этой случайности-без-необходимости, умолчав о том, что и математика тоже его служанка. Ктулхум выплевывает логосы народов, как шелуху семечек, игнорируя, что за всеми культурными различиями стоит единое сознание человеческих существ. Ктулхум занимается дифференциацией и редукцией: это он позволяет безошибочно зачислить каждого в стан пролетариата или буржуазии. Ктулхум — это мышление, направленное на чисто биологическую результативность, основанное на страхе и жажде. Его цель — экспансия; Ктулхум вживается в характер, изучает склонности, чтобы затем создавать подходящие объекты желаний. Кристофер Лэнд, изучив книги Уильяма Берроуза, обнаружил эту подлинную чужеродность, о которой давно знали в Индии. В I веке нашей эры в городе Джаландхар состоялся Четвертый Буддийский собор. На этом соборе была подробно проработана структура ума, принципы его бесконечного самовоспроизводства.

АНТИНОМИИ ЗЕМНОЙ ПОЛИТИКИ (РАЗВИВАЯ ЛАТУРА)

Бруно Латур в книге «Где приземлиться? Опыт политической ориентации» разработал новую политическую теорию, выходящую за пределы опостылевшей троицы «либерализм — коммунизм — консерватизм» и за пределы дихотомии правого и левого. Новый объект притяжения (аттрактор) деконструирует все предшествующие позиции. Речь идет о Земном. Я позволил себе развить и дополнить тезисы Бруно Латура.

⁵⁰ Пятигорский А. Введение в изучение буддийской философии. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 74–77.

8. Обскурантист

Далеко не всякого антимодерниста можно считать союзником Земного. Иногда очередной российский ультраконсерватор-традиционалист критикует растленный постмодерн, а потом оказывается, что бородатый сторонник почвы ненавидит деревья, море, горы, насекомых, природу в целом, являясь махровым гностическим антикосмистом (в античном смысле слова «космос»); в своем отрицании Земного такой фундаменталист без фундамента становится коллегой ультрамодернистов, отрицателей экологических проблем, приверженцев футуристического космодрома в архитектуре, считающих Землю лишь колыбелью человечества. Выходит, что Латур в книге «Где приземлиться?» верно сформулировал векторы конфликта: либералы и консерваторы, глобалисты и антиглобалисты, левые и правые могут договориться, если они обращены к Земному, если они рассматривают Гею не в качестве средства, а в качестве цели. Ультрамодернист и мракобесный гностик тоже могут договориться, ведь они ненавидят земную материю, стремясь радикально модернизировать ее — либо уничтожить. Кстати, существуют оккультные организации (ОНА; О9А), концептуально близкие внутреннему кругу российского традиционализма, совмещающие в своих доктринах злобный гностицизм и прометеанские фантазии о колонизации космоса. Надо признать, что гностический фундаменталист — достаточно редкая и маргинальная фигура, хотя вполне заметная в интеллектуальном ландшафте современной России. Рассмотрим более распространенные варианты, демонстрирующие переориентацию объекта политики. В контексте нового политического аттрактора привычные конфликты теряют смысл, а враги могут стать союзниками — все зависит от занимаемой позиции относительно Земного.

7. Глобалист

С одной стороны, глобалист может быть врагом Земного, ведь глобализм, если мы не говорим сейчас о положительном альтерглобализме, как раз и есть сильнейший утопический проект унификации всех ландшафтов, всех локусов. Технократический глобализм живет не на Земле, он лишь использует ее ресурсы, готовясь к эмиграции на другие планеты, либо бездумно растрчивает эти ресурсы. Права народов для него ничего не значат, как и права нечеловеческих видов — этими правами легко можно поступиться, если того требует логика ускорения и модернизации. Глобалист может заблуждаться или сознательно лгать: в первом случае он обращает внимание на то, что в странах первого мира экономическому развитию сопутствует улучшение экологии. Действительно, богатые государства в последнее время могут себе позволить дышать более или менее свежим воздухом, ведь все вредоносное производство сосредоточено в бедных странах. Утопическое мышление глобалистов опирается на веру в единый планетарный прогресс, основанный на экономическом росте. Но чтобы приблизить материальное качество жизни каждого землянина к уровню зажиточного американца, нам не хватит ресурсов одной планеты. Виды живых существ продолжают вымирать — на фоне этого факта экологические победы развитых стран (читай: транснациональной капиталистической империи) вообще ничего не значат.

С другой стороны, существуют альтернативные сценарии глобализации, которые стремятся сохранить разнообразие культур — разнообразие, не основанное на изоляционизме, — такой глобализм, умножающий точки зрения, увеличивающий альтернативы, озабочен интересами Целого, поэтому является союзником Земного. Более того, едва ли интересы Земного будут в должной мере удовлетворены, если сохранятся хоть какие-то признаки политического изоляционизма: для самодурства мелких тиранов нет места в будущем, зато есть место для многообразия в духе парламентаризма.

6. *Фундаменталист*

Приверженец локальных интересов, живущий в странном и красивом мире культурной идентичности, которая давно была утрачена, но продолжает существовать в законсервированном состоянии внутри романтических голов, — он может агрессивно сторониться всяких международных соглашений, заявляя, что имеет право не принимать логику «других цивилизаций». Такой изоляционист не просто недоумок — он враг Земного. Но есть и другой сценарий: ведь фундаментализм порой зиждется на любви к родной природе. Достаточно простого понимания, что родная природа не существует на отдельной планете, что работа с недрами, опасные научные эксперименты, испытания нового оружия касаются людей и нечеловеческих существ, обитающих на другой стороне Земли. Есть еще исключительная модификация данной фигуры: не сконструированный, а естественный фундаментализм представителей домодерных культур — в этом случае речь идет о полноценных землянах, которые за тысячи лет нанесли Земле меньший урон, чем современные люди за два столетия.

5. *Социалист*

Здесь все непросто, ведь социалистический проект изначально был наиболее агрессивной формой прометеевства. Левые утописты стремились реформировать все аспекты человеческого существования — включая среду обитания. Наибольший урон Земному нанесли именно они. Достаточно вспомнить советский опыт экологического и архитектурного вандализма. Мы живем на обломках этого монстра, до сих пор не избавившись от его привычек. Но существуют левые интеллектуалы, враждебные Земному, которые считают, что советский проект был даже недостаточно радикален в переустройстве ойкоса: старый мир надо было полностью истребить, заменив его тотальным футуристическим космодромом (например, безумный марксист Анри Лефевр всю жизнь посвятил проповеди радикального нигилистического антропотопоса). Они бы с радостью снесли Париж и Петербург, чтобы на их месте воздвигнуть свои «Лучезарные города». С такими людьми не о чем говорить, для сторонников Земного это просто сумасшедшие. К счастью, встречаются другие левачи: экологические социалисты, зеленые анархисты, последователи Маркузе (приверженцы «великого отказа»), которые осознают, что современная техника есть воплощенное отчуждение. Именно на волне левого экологического движения 60-х возникла постмодернистская критика модерна. Капиталистические эксплуататоры Земли, руководствующиеся принципом «после нас хоть потоп», едва ли добровольно прекратят свою деструктивную политику и возвратят Земле отнятое, поэтому в сложившихся обстоятельствах левый активизм приносит большую пользу.

4. *Капиталист*

В данном случае все элементарно: беспрекословное господство рынка является злейшим врагом Земного. Рыночники не собираются выполнять распоряжения сторонних организаций, считая такое давление опасной тенью социализма, их интересует лишь прирост нулей, а Гею они рассматривают в качестве бесконечного источника этих нулей. В развитых странах такие существа понемногу начали бояться содеянного, ведь им придется как-то доживать свои жизни, поэтому теперь они кое-как выполняют экологические требования. Экономическим правоцентристам, осознающим деструктивность бесконтрольной власти рынка, ничто не мешает быть союзниками Земного.

3. *Homo religiosus*

Что лежит в основе глубочайшей религиозности? Благодарность. Благодарность Творцу за то, что было создано. А какое еще большее чудо можно себе предста-

вить, чем вот этот самый мир и вот эта наша жизнь, которая возникла вопреки всему, что может быть.

Борис Аверин

Может ли Homo religiosus быть противником Земного? Автор настоящего текста достаточно времени посвятил религиоведению, чтобы коротко и ясно ответить на этот вопрос. Религия позволяет вырваться из пут материального космоса, но ни одну традиционную религию нельзя обвинить в бескомпромиссном антикосмизме. Видимый космос для представителей авраамических религий есть произведение Бога, чье творческое начало проявилось в архитектуре этого мира. Что можно сказать о существе, которое грехопадением нарушило гармоническую целостность Божественного Творения, а потом еще стало относиться к нему с презрением? Если бородатый традиционалист рассказывает вам, что Небо враждебно видимому космосу, знайте — перед вами гностический еретик. С точки зрения буддизма этот мир прекрасно приспособлен для реализации дхармы Будды, воплотиться здесь в форме человеческого существа — невероятная удача, даже миры богов не так хороши, ведь там нельзя достичь нирваны. Есть еще Чистые земли, но туда попадают из нашего мира. Поэтому в современном буддизме процветают экологические настроения: Землю надо спасать, ведь она замечательно подходит для медитации. В буддизме существует направление, согласно которому каждый элемент нашего мира наделен сознанием Будды — именно эта философия (теория татхагатагарбхи) вдохновляла Джона Кейджа, когда он предлагал вслушиваться в глубинную сущность отдельных звуков. Многие течения веданты считают видимый материальный мир непосредственным проявлением Абсолюта. Даже зороастрийцы, склонные к дуализму, почитали стихии, стараясь ничем не осквернять воду, огонь, землю и воздух. Устремленность к Небесному позволяет религиозному человеку довольствоваться данностью Земного: его не прельщают модернистские утопии, потому что этот мир уже хорошо приспособлен для высшей духовной реализации, здесь ничего не надо радикально выправлять, разве что последствия человеческой предприимчивости.

Идея конца света, которую мы обнаруживаем во многих религиях, не имеет никакого отношения к эсхатологическому нигилизму, то есть к обесцениванию Земного — «вот этого самого мира и вот этой нашей жизни». К эсхатологическому нигилизму зачастую склоняются мрачные еретики и раскольники. Конец света можно рассматривать в качестве блага, но «не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти» (Деян. 1:7). Если же человек стремится приблизить конечные сроки, если последние времена — его навязчивый сон, то жидется это на банальнейших чувствах обиды и страха. Можно, конечно, зайдя со стороны психоанализа, усложнить такого субъекта, приписав ему избыточность мортидо и деструдо, но стоит ли копаться в психопатических аномалиях? Здоровый Homo religiosus осознает, что на этой земле после него, скорее всего, будут жить многие поколения людей. Когда придет время для лучшего мира, наш дом разрушится, но это не повод пренебрегать им.

2. Ученый

Далеко не всякий ученый становится адептом прометеанства и врагом Земного. Чтобы в этом убедиться, достаточно почитать «Часть и целое» Гейзенберга, «Мой взгляд на мир» Шредингера, беседы Дэвида Бома с Джидду Кришнамурти, изучить работы Бома, которые касаются голографической модели Вселенной. В этих книгах философия науки сливается с религиозной метафизикой Востока и Запада, научное мышление здесь лишено привычного высокомерия. Более того, мы замечаем, что данные ученые ставят неисчерпаемые тайны бытия и сознания выше надменных притязаний человеческого разума. Насколько передовые открытия квантовой физики соотносятся с фундаментальными переменами в культуре, теми переменами, которые привыкли бездумно

именовать «постмодернизмом», насколько это соотношение соответствует важнейшему историческому процессу сегодняшнего дня — тотальной интеграции Востока и Запада, — в этом еще предстоит разобраться.

1. Киборг

Донна Харауэй, адепт киборгизации, всячески пытается пристроиться к дискурсу Бруно Латура, хотя проекты этих мыслителей сущностно враждебны друг другу. Прямолинейные технические манипуляции с человеческим телом <...> остаются в нарциссической эпохе позднего прометеанства. Тело есть условная граница между «внешним» и «внутренним», но так называемый «внешний мир», судьба которого зависит от человеческой воли, нуждается в ответственном попечительстве, поэтому нарциссические игры с границей выходят за пределы здравого смысла. Трансгуманизм всецело принадлежит времени позднего модернистского нарциссизма, когда один вид ставил превыше всего собственные интересы, *свою автокреацию*. Харауэй предлагает нам быть более *приземленными*⁵¹. Мы согласны, поэтому задаем очень приземленный вопрос: можно ли тратить средства на трансгендерный или трансгуманистический переход (вживление копыт, рогов, микрочипов, тентаклей, удаление мозжечка, миграция в искусственные нейросети, тотальное постгендерное обрастание клиторами и тестикулами), если на эти же деньги можно очистить от мусора четыре оврага? Ответ на подобный вопрос определяет степень антропоцентричности или метамодерности субъекта.

Занимательно, что Донна Харауэй сформировала свой проект еще до знакомства с текстами постструктуралистов, которые она с трудом осваивала уже в 80-х⁵². Не поэтому ли ее научно-фантастическая философия в своей сути — прометеанство? Просто здесь человек (западный человек, вооруженный наукой и техникой!) достигает особой степени могущества, так что теперь желает выйти за пределы своего вида и любой биологической обусловленности. Тогда как постмодерн двигался в противоположном направлении, критикуя позитивизм, линейный прогресс и культурный колониализм, он стремился смешивать всевозможные формы познания, лишая привилегированности научно-просветительский дискурс. Радикальный релятивизм постмодерна предполагает сосуществование самых разных жизненных практик и гносеологических фигур, в том числе архаичных, домодерных. Футуристический утопизм киберфеминизма не подразумевает подобной релятивности, двигаясь путем мировоззренческой экспансии. Боюсь, что эти положения могут счесть очередным выпадом против прогрессивного феминизма, поэтому я передаю слово Бруно Латуру: **«Некоторые рассчитывают ускользнуть от проблем нашей планеты путем переселения на Марс, телепортации в компьютер или превращения в постчеловека совместными усилиями генетики, когнитивных наук и робототехники. Эта крайняя форма „неогипермодернизма“ всего лишь придает старому вектору модернизации головокружительное ускорение и, как следствие, не имеет значения для наших дальнейших размышлений»**⁵³.

Выше мы объяснили, почему бородатые устрашители масс, проповедующие цивилизационную изоляцию, позволяют себе досадную глупость, отождествляя поворот

⁵¹ Неаполитанский М. Становление компостом в дни хтулуцена // Горький. URL: <https://gorky.media/reviews/stanovlenie-kompostom-v-dni-htulutsena/> (дата обращения: 10.01.22).

⁵² Тернер Дженни. Жизнь с мисс Кайен: Донна Харауэй, киборги, твари и дети компоста // Центр политического анализа. URL: <https://centerforpoliticalanalysis.ru/position/read/id/zhizn-s-miss-kajen-donna-harauej-kiborgi-tvari-i-deti-komposta> (дата обращения: 11.11.21).

⁵³ Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 55.

к нечеловеческому с трансгуманизмом и киборгизацией. Важнейшие течения современной мысли направлены не на сращивание человека и техники, а на экологическое обуздание предшествующей технологической формации.

0. Четвертая политическая практика

Новая политическая практика — не положительная система, но аскезис социалистических, консервативных и либеральных программ. Подлинный политический плюрализм способен сдерживать самонадеянные притязания отдельных проектов. Безусловное господство рынка чревато большой социальной несправедливостью, атомизацией человеческих отношений, культурной и экологической деградацией. Левый проект чреват диктатурой и классовой ненавистью, что не требует доказательств — достаточно взглянуть на все неудачные попытки реализовать марксистскую схему. Консервативный крен чреват культурной стагнацией, этатизмом и притеснением отдельных групп. Эти самонадеянные проекты должны ограничивать друг друга и подчиняться метатеории Земного, если мы хотим избежать экологической катастрофы. Воз человеческой истории заехал достаточно далеко, чтобы басня про лебедя, рака и щуку не казалась пессимистичной. Высшим достижением человеческого разума было знание своих пределов, своей ограниченности: Сократ, Кант, индийские мудрецы, суфии, христианские мистики и французские философы, объявившие войну метанарративам, то есть самонадеянным проектам человеческого разума, — на них следует ориентироваться, ограничивая политические возможности строителей тотального счастья, экономического процветания или национального возрождения. Пускай воз человеческой истории остается на месте, а реальной политике пора заняться нечеловеческими агентностями, присутствие которых мы слишком долго игнорировали.

Накопительный эффект играет важную роль в этической дискредитации тотальных объяснительных моделей: ретроспективный взгляд показывает, что громкие прогрессивные абстракции стоят слишком дорого. Наблюдая историю, мы видим, что наименее безответственными оказываются наиболее *колеблющиеся* и нерешительные позиции, лишенные иллюзий по поводу непогрешимости любых концептуальных схем. В эпоху метамодерна пришло время рассматривать старые политические проекты в качестве ошибок и успехов модерна. Конец модерна предполагает, что все три политические теории сворачиваются в состояние перманентного квиетива. Консерватизм, либерализм и социализм обладают некоторыми положительными свойствами, когда они не достигают своих аспе, то есть не реализуются в качестве фашизма, авторитарного коммунизма или неподконтрольной власти рынка. Только подлинное присутствие трех политических учений на игровом поле может сдерживать эти крайности. Противники тянут воз в разные стороны, поэтому он не скатывается в пропасть. Неподдельный политический плюрализм способен раскрыть позитивные свойства трех теорий: либерализм служит личной свободе и неприкосновенности частной жизни, социализм озабочен справедливостью, консерватизм оберегает самобытность народов, их права и культурные традиции. Очевидно, что все эти принципы могут сосуществовать, когда не переходят в крайности. Над этой троичной системой, рожденной модерном⁵⁴, должна возвышаться метатеория Земной политики, стоящая вне модерна. Интересы рынка, рабочих или традиционных ценностей находятся ниже интересов

⁵⁴ Консерватизм тоже рождается из модерна, ведь он был критической реакцией на перемены Нового времени. Де Местр боялся революций, но без этого страха его речи вообще бы не состоялись; консерватизм есть одна из многих акциденций эпохи, поэтому в XX веке он постепенно выродился в национал-социализм и фашизм, которые, соединив образы славного прошлого с революционными идеалами и проектом промышленно-технологической модернизации, приобрели все признаки прометеанства.

Земли — общего локуса для всех актантов: животных, растений, минералов, жителей океана и так далее. Человечество достаточно развилось этически, чтобы ставить свою видовую политику ниже безмолвной политики окружающего мира.

В свою очередь, Земная политика тоже должна проходить аскезис, чтобы не превратиться в авторитарную власть ученых, в диктатуру очередной объективной истины — в противном случае она вырождается в метанарратив и станет разновидностью прометеанства, даже если будет действовать в нечеловеческих интересах. Это значит, что каждый вопрос должен решаться в традиции парламентаризма, обсуждаться представителями различных позиций. Ученые мужи не могут объявлять карантин или вводить экологические санкции без предварительных обсуждений, если не хотят считаться новыми диктаторами. В ситуации мультигностицизма, которую не получится игнорировать или упразднить, нам придется практиковать соответствующие политики природы, основанные на принципах мультинатурализма. Если мы, современные люди Запада, носители научного сознания, лучше знаем, что вредно, а что полезно для окружающей среды, почему же мы наносим этой среде наибольший урон? Если немодерные культуры этической относятся к нечеловеческой среде и располагают своими лечебными практиками, то мы не можем просто сбрасывать их со счетов, навязывая им свой догмат верифицируемого знания — даже в чрезвычайной ситуации экологической катастрофы или пандемии. <...> Речь идет не об изоляции принципиально чуждых «логосов», не о попустительстве, речь идет о включенности всех точек зрения в единый демократический Парламент. Новая экологическая политика не должна становиться инструментом научного реваншизма: естественно-научный взгляд на мир не может претендовать на привилегированное положение относительно других видов познания <...>. Экология пользуется инструментами научного анализа, но это не значит, что она игнорирует местные точки зрения, которые лишены современных линз. Обладая техническими преимуществами, мы не должны делать их инструментами подавления.

<...>

Почему необходим новый аттрактор Земного, стоящий над всеми политическими системами? Глупо тратить энергию на борьбу, когда все стороны стремятся к одной цели. Если мы внимательно изучим книгу Алена де Бенуа (интеллектуальный лидер радикальных правых во Франции) «Вперед, к прекращению роста! Эколога-философский трактат», то найдем в ней мало принципиальных отличий от левых проектов зеленой политики. Мы видим, что и бывший политический центрист Латур бескомпромиссно концептуализировал экологический антимодерн (сумев преодолеть центризм, полностью разрушив схему, на которой можно было занимать позиции справа, слева или в центре). В конце концов, еще Юлиус Эвола одобрительно отзывался о Герберте Маркузе. Смогут ли кукловоды бесконечно сталкивать лбами консервативные, левые и демократические силы, уводя внимание общественности от реальных проблем в область одиозной микрополитики? Мы (или Ктулхум за нас?) решаем, сносить ли очередной некорректный памятник, можно ли поднимать глаза и выпрямлять спину, когда стоишь рядом с женщиной, не аморально ли чихать возле церкви, нужно ли стесняться слова «менструация», стоит ли покупать черную губку для обуви у шоколадного кассира... Или коричневыми опарышами копошимся в своеобразных логосах непохожих цивилизаций. А в это время происходит шестое вымирание⁵⁵, обусловленное вероломством человека разумного: каждый час с лица земли исчезают три вида животных, ежедневно мы теряем 70 видов флоры и фауны, за 25 лет мы утратили треть биологического разнообразия планеты.

⁵⁵ См.: Колберт Э. Шестое вымирание. Неестественная история. М.: АСТ, 2019. — 368 с.